

ОСОБЕННОСТИ НОВОГО СТИЛЯ ПОЭЗИИ Д. ШОМАХОВОЙ

Мадина Андреевна Хакуашева

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Хакуашева, 2021

Аннотация. В статье представлен анализ цикла стихов Д. Шомаховой *Они* (часть первая), *Я* (часть вторая), *Ты* (часть третья), *Город* (часть), *Hidden* (скрытое), написанных преимущественно верлибром. Одной из особенностей художественного стиля автора становится поэтический нарратив, базирующийся как правило на образах обыденной повседневности, наступающей урбанизации. Свежие, парадоксальные художественные образы привычной жизни легко сочетаются со сказочными аллюзиями, элементами фантастического. Поэтические откровения поэтессы – отражение сложного, противоречивого многогранного сознания современной женщины, личности, которой «остывание», «застывание» эволюции не предполагается. Творчество молодой поэтессы – головокружительный процесс напряженного поиска, сомнений, внутренней жизни, которая оказывается «неподъемной» для поэтической артикуляции, поэтому остается и ощущается в подтексте. Эта особенность автора, возможно, – одна из важных характеристик ее поэтической индивидуальности. Другой особенностью поэтики становится эклектика: ироническое соединение несоединимых элементов, саркастическое отношение к штампам, устаревшим приемам, неизменным «вечным» темам, формам. Героини Шомаховой тонко чувствуют любые проявления нарастающей дегуманизации, мертвенность и холодное равнодушие системы, движущейся к упадку. Этим объясняется типичный мотив эскапизма как настоятельной потребности в поисках другой, лучшей жизни. На первый план выступает интерес к личности самого автора с противоречивой характеристикой, который умеет принимать самые тяжелые, драматичные, непрезентабельные формы жизни лицом к лицу.

Ключевые слова: поэтический нарратив, верлибр, обыденная повседневность, сказочные аллюзии, ирония, эскапизм, экзистенциальная роль, дегуманизация

Для цитирования: Хакуашева М.А. Особенности нового стиля поэзии Д. Шомаховой // Вестник КБИГИ. 2021. № 4-1 (51). С. 125–130. DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-125-130

Original article

FEATURES OF THE NEW STYLE OF POETRY BY D. SHOMAKHOVA

Madina A. Hakuasheva

Institute for the Humanities Research – affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, dinaarma@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1290-6649>

© М.А. Hakuasheva, 2021

Annotation. The article presents an analysis of the cycle of poems by D. Shomakhova *They* (part one), *I* (part two), *You* (part three), *the City* (part), *Hidden* (hidden), written mainly by verlibra. One of the features of the author's artistic style is poetic narrative,

which is usually based on the images of everyday life, the coming urbanization. Fresh, paradoxical artistic images of everyday life are easily combined with fabulous allusions, elements of the fantastic. The poetic revelations of the poetess are a reflection of the complex, contradictory multifaceted consciousness of a modern woman, a personality for whom «cooling», «freezing» of evolution is not expected. The creativity of the young poetess is a dizzying process of intense search, doubts, inner life, which turns out to be «overwhelming» for poetic articulation, therefore it remains and is felt in the subtext. This feature of the author is perhaps one of the important characteristics of her poetic personality. Another feature of poetics is eclecticism: an ironic combination of incompatible elements, a sarcastic attitude to clichés, outdated techniques, invariable «eternal» themes and forms. The heroines of Shomakhova subtly feel any manifestations of growing dehumanization, deadness and cold indifference of a system that is moving towards decline. This explains the typical motive of escapism as an urgent need to find another, better life. In the foreground comes the interest in the personality of the author himself with a contradictory characteristic, who knows how to take the most difficult, dramatic, unrepresentable forms of life face to face.

Keywords: poetic narrative, vers libre, everyday life, fabulous allusions, irony, escapism, existential role, dehumanization

For citation: Hakuasheva M.A. Features of the new style of poetry by D. Shomakhova. Vestnik KBIGI = KVIN Bulletin. 2021; № 4-1 (51): 125–130. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2021-4-1-51-125-130

В статье представлен анализ цикла стихов Д. Шомаховой *Они* (часть первая), *Я* (часть вторая), *Ты* (часть третья), *Город* (часть), *Hidden* (скрытое), написанных преимущественно верлибром.

Поэтические произведения молодой поэтессы Д. Шомаховой обращают на себя внимание лаконичностью, но очерчивают самые важные поэтические сферы, о которых должна идти речь в соответствующих циклах: *Они* (часть первая), *Я* (часть вторая), *Ты* (часть третья), *Город* (часть), *Hidden* (скрытое).

С первых строк открывается новый неповторимый поэтический мир – как в форме непривычных, «неудобных» для местного читателя верлибров, так и особенностей художественного стиля, который базируется преимущественно на образах обыденной повседневности, наступающей урбанизации.

Обращение в верлибру в настоящее время обусловлено долгой эволюцией процесса стихосложения. «Усталость» рифмы имеет множество причин, среди которых в первую очередь – несоответствие «прекрасных» рифмованных стихов затянувшемуся тотальному кризису, включающему все сферы жизни, ощущение предапокалипсиса, формирующееся в подобные периоды у многих представителей творческой интеллигенции.

Гармоничная форма, которая должна вмещать в себя отнюдь негармоничное содержания – парадокс, содержащий в себе прямое несоответствие, – одна из важных причин, обусловивших отказ от классической рифмы. Она отчасти уступила место свободе поэтической формы, которая предполагает больший акцент на ассоциативности воображения.

Кризис рифмы уже был отмечен в стихах В. Маяковского, а в 1936 году молодой поэт Л. Коган, погибший в 1942 двадцатичетырехлетним на фронтах Второй мировой, обосновал уже сформированную эстетическую тенденцию: «Я с детства не любил овал, я с детства угол рисовал» [Стихи 2011: эл. ресурс].

Впрочем, фольклорный, устный «предверлибр» в России появился еще до традиции «несвободного» стиха. Он сформировался путем постепенного отказа авторов от тех или иных внешних признаков по мере того, как необходимость в них отпадала как для самих поэтов, так и для читателей, которые становились все более искушенными. «Похожие» на верлибр отдельные произведения появлялись еще в 19 и даже в 18 веке, например, в поэзии А. Сумарокова. Множество стихотворений без метра, рифмы и иных традиционных признаков встречаются у поэтов

19 века, которые переводили французских или немецких авторов и вольно подражали им, в манере, свойственной той эпохе. Среди этих авторов можно выделить И. Тургенева, А. Фета, М. Михайлова. Наконец, Николай Языков в 1840 году в своем шуточном стихотворении под названием «Когда б парнасский повелитель...» осуществил эксперимент, ставший очень популярным как у сторонников свободного стиха, так и (в особенности) у его противников в 20 веке. Он записал в «столбик» ту часть своего поэтического послания, которая была лишена признаков, присущих стиху, то есть представляла собой верлибр [АРВ: эл. ресурс].

В XX веке, особенно его второй половине верлибр получил широкое распространение в англоязычной литературе, что дает некоторые основания полагать, что рифма в какой-то степени затрудняла восприятие деструктивных, теневых, стихийных и прочих кризисных феноменов жизни, определенно превышающих ее «позитив».

Гармоничная форма, которая должна вмещать в себя отнюдь негармоничное содержания – парадокс, содержащий в себе прямое несоответствие, – одна из важных причин, обусловивших отказ от классической рифмы. Она отчасти уступила место свободе поэтической формы, которая предполагает больший акцент на асоциативности воображения.

Поэтические откровения поэтессы – отражение сложного, противоречивого многогранного сознания современной женщины, личности, которая *еще не состоялась*, – не в привычном социальном понимании: ее развитие столь динамично и наглядно, что «остывания», «застывания» эволюции не предполагается в принципе. Творчество Шوماховой – головокружительный процесс напряженного поиска, сомнений, внутренней жизни столь плотной и насыщенной, что она оказывается «неподъемной» для поэтической артикуляции, поэтому остается и ощущается в подтексте (что для нас – признак хорошей литературы); она лишь мерцает, так как огромный пласт внутренних интенций вынесен в невидимую часть поэтического «айсберга». Эта особенность молодого автора, возможно, – одна из самых захватывающих характеристик ее поэтической индивидуальности.

Одним из интересных поэтических методов становится эклектика: ироническое соединение несоединимых элементов. Например, тон «красно-розовых лепестков» автор соединяет с неассоциируемым «хэппи-эндом», но с «мусорным пакетом переполненного контейнера во дворе многоэтажки» [Шوماхова 2021: 7].

Стихи Шوماховой – ломка традиционной формы и поэтической идеологии, которая оказывается очень далека от оптимистической тональности, парадоксальна, драматична, порой бессмысленна. При этом поставить вердикт «постмодернизма» никак нельзя, так как при любых сюжетных перипетиях всегда ощущается открытое окно надежды. В поэзии Д. Шوماховой мы сталкиваемся не с феноменом некоей фатальной надежды, а неизбежным результатом невероятных личных усилий главной героини. Так, в стихотворении «звук за звуком» [Шوماхова 2021: 8] автор раскрывает сложный процесс поэтического творчества как подъем на отвесную скалу, когда «буква за буквой» карабкаются вверх «без страховок и инструктора», безуспешно хватаясь за разные слова, которые каждый раз отражают «не то» содержание, с тем, чтобы в конечном итоге сорваться с вершины... Но поэт не разбивается при падении, а «отряхивается», хотя «парочку найденных случайных комбинаций» навсегда ставит на пыльную полку... При этом читатель понимает, что процесс покорения «вершины» при всей драматичности восхождения не завершен, а только начат...

Происходит сокращение дистанции с некой трансцендентной точкой, ранее недостижимой, возвышенной; десакрализация «верховных поэтических авторитетов» в прямом и переносном смысле. Это касается, в частности, стихотворения «если говорить о боге, то только с его коллегами», (заметим, что автором заглавные буквы игнорируются как в экспозиции стихотворения, так и в слове *бог*, что также указывает на радикальную смену аксиологических установок).

Панибратский насмешливый тон ничуть не мешает мирной беседе с демиургами: «щуриться, спрашивать у прекрасной Сехмет, как там поживает Амон..., Свесившись с Иггдрасиля..., кланяться у Одина хотя бы глоточек меда, обсуждать способы заставить Тора читать...» и т.п. [Шомахова 2021: 9].

Героиня на «ты» не только с богами, но и с соседней вселенной, путь к которой для нее открывается через окно собственной квартиры: «пора влезть на подоконник, свесив ноги в соседнюю вселенную, запыленным ботинком задеть светящийся шарик, случайно устроить вспышку сверхновой, такой, чтобы видно днем и ночью...» [Шомахова 2021: 13]. Обыденность, повседневность визуального образа современной молодой девушки, женщины (грубые ботинки, джинсы, майка, рюкзак) сочетаются с ее стремительно выросшей духовной природой, – она намного переросла недавние былые пределы и теперь ощущает невыносимую тесноту в рамках собственной вселенной, в недрах которой постоянно зреют острые неотложные вопросы, касающиеся запредельного... Страстная потребность исследовать мир и себя приводит порой к тупику или разочарованию, которые порой выступают в форме вещицы из современного общества потребления. Таков результат усилий героини стихотворения «Made in China», когда она, «меняя реальность, / перестаралась – / слишком сильно / дернула за край, / и та поползла по шву». Засмотревшись на цветную подкладку, она хочет узнать, как же устроена изнанка мира, но в результате находит лишь «безвкусную, красно-синюю этикетку «Made in China» [Шомахова 2021: 24].

В стихотворении «In death» устанавливаются столь же простые, доверительные отношения со смертью, которая знакомит героиню со своим обычным распорядком дня: «в трех кварталах отсюда / чудесная кофейня. / Иногда мне приносят оттуда / эспрессо. Или американо. / А я хочу флэт-уайт. / Или раф с дурацким сиропом» [Шомахова 2021: 35]. Героиня готова внимательно слушать могущественную собеседницу, «кивать, когда надо / возмущенно цокать языком...» Но смерть внезапно перебивает милый диалог: «А тебе / домой надо. / У тебя там ошибку пора исправлять» [Шомахова 2021: 35]. Читатель понимает эту символику: жизнь оценивается автором через призму смерти, когда становятся видны в том числе большие ошибки частной жизни.

Героине Дарьи Шомаховой действительность предстаёт в беспощадном неприкрашенном свете. Так, унылая очередь на прием к врачу постсоветской поликлиники тоже воспринимается через сюрреалистическую призму неизбежной смерти; ожидающие пациенты видятся «пыльными скелетами», которые «расселись вдоль стен», это – спокойная вереница ожидающих пропуска «на тот свет», поэтому «никто не толкается, не лезет вперед» [Шомахова 2021: 14].

Столь же беспощадный, насмешливый взгляд – на себя: «Голова в облаке, / мысли пропахли табаком. / Поведу соломенным плечом, / и они, каркая, разлетятся / к такой-то матери» [Шомахова 2021: 36]. Подобными интонациями окрашено отношение к собственной персоне и своему месту обитания в другом произведении:

«Я – маленькая обезьянка / из маленького городка в горах. / Недостаточно колоритна, / не слишком оригинальна, / погрязла в канцеляризмах, / коих слишком много в наших южных лесах... / [Шомахова 2021: 22]. Автор способен на ироническое видение и самооценку не только изнутри, но и со стороны.

Следует отдельно отметить саркастическое отношение к штампам, устаревшим приемам, неизменным «вечным» темам, формам, к которым оказывается столь чувствительна молодая поэтесса; это особенность достаточно ярко манифестирует себя в юмористически-пародийном стихотворении «Над седыми вершинами»:

«Над седыми вершинами / Ооооооооо / Извечных гор /Оооооооо / Парят, расправив крылья, / Оооооооо / Гордые орлы. / Орайда! / Парят и не знают, /Ооооооо / Что давно / Оооооооо / Стали грубейшим штампом».

Точно также «величественные горы» не знают, «что писать о них стихи – моветон» [Шомахова 2021: 19].

Героини Шомаховой тонко чувствуют любые проявления нарастающей дегуманизации, мертвенность и холодное равнодушие системы, движущейся к упадку. Таковы интонации стихотворения «Не возражаю», где целую бурю эмоций униженного человека, заносящего заявление об уходе, начальник встречает с ленивым холодным безразличием и короткой подписью «не возражаю» [Шомахова 2021: 27].

Поэт чувствует неослабевающую, неизбывную связь с природой, стихиями, со всем сущим, но это далеко не всегда взаимно. Такая ущербная, безответная связь становится очевидной в стихотворении «Говорить с ветром», в котором предельная искренность героини, готовой к любой форме диалога с ветром сталкивается с пустотой: «Я пришла говорить с ветром, / А он – нет» [Шомахова 2021: 23]. Жизнь стихий, природы органично, физически связаны с ее собственной: «По моим жилам давно / не в ту сторону / слишком медленно / растекаются ленивые / сине-фиолетовые / осенние сумерки» [Шомахова 2021: 37]. Все стихии и времена суток: сумерки, ветер, ночь, солнце призываются ею, чтобы они позволили забыть те времена, когда все было иначе...

Ярким, глубоким чувством, особыми личными неповторимыми ощущениями окрашено стихотворение «Иногда мне кажется...», посвященное отцу, причем автор способен донести эту эмотивную гамму считанными скупыми словами.

Цикл стихов в главе *Ты* следовало бы отнести к любовной лирике, но они перерастают этот жанр, так как вмещают в себя гораздо больше оттенков чувств и мыслей. В стихотворении «Ты стоишь под старой липой...» портрет возлюбленного скрыт темнотой парка, силуэт угадывается рисунком зажженной сигареты, которая рисует во мраке ломаные линии, но даже после расставания его остается «так много в этом городе» [Шомахова 2021: 68]. В стихотворении «Солнце» звучит необыкновенная полнота чувств, острое желание продлить миг счастья навсегда: «Зачаруй солнце. / Заморочь ему голову. / Окуни в синюю краску... / Лишь бы завтрашнее утро никогда не наступило» [Шомахова 2021: 69].

Противоположные интонации отражены в стихотворении «Ничего», когда героиня ощущает не только бессмысленность потерянной любви, но и самой жизни [Шомахова 2021: 26]. Пустота, утрата смысла или предчувствие бессмысленности жизни – в одноименном стихотворении, когда нарратор превращается в большую черную птицу, взлетающую над километрами... пустоты [Шомахова 2021: 70]. Тематически близким оказывается стихотворение «Одолжено у небытия»: «Подкожная инъекция / твоих чернильных мыслей / вдруг оказалась / абсолютно не интересна / той форме небытия, / что явилась сегодня / за мной» [Шомахова 2021: 75].

Цикл стихотворений главы «Город» говорит сам за себя; он включает зарисовки городов, рек, относящихся к тем или иным странам и городам. Стихотворения «Тбилисо», в котором нет признания в любви к городу, но оно следует из текста, стихотворение, посвященное реке Мтквари, грузинскому названию Куры, однажды отравившей кровь («Однажды вечно хмурая...»), ностальгия по утраченной любви в своем городе («Еще долго», «Огни крошечного города»), шутивное описание жизни города на горе («Жить в городе»), поездка в троллейбусе без ясного ощущения следования цели на этом или том свете, которая протекает лишь с одним твердым знанием: «куда бы ...ни приехала, пора платить за проезд» («Выныривая из виртуальной пустоты» [Шомахова 2021: 87].

Кульминацией цикла становится стихотворение «Уехать в теплый город» как всплеск тоски и надежды на уголок тепла, душевного уюта, на благодать, которые позволят «наконец-то примириться с собой», – типичный мотив эскапизма как настоятельной потребности в поисках другой, лучшей жизни.

Свежие, парадоксальные художественные образы формируются из привычной, повседневной жизни, они легко сочетаются, например, со сказочными аллюзиями: «Когда радуга нырнет / за неровный горизонт, / очертив идеальным прямоугольником / драконий глаз заката. / Когда луна повиснет в правом верхнем углу неба, / разбросав двойников / во все стороны... / Ты придешь. / Чтобы снова остаться насовсем / Чтобы снова уйти насовсем. / Чтобы никогда больше не приходиться» [Шомахова 2021: 72].

По мере чтения стихов Дарьи Шомаховой на первый план выступает интерес к личности самого автора с самой противоречивой характеристикой (сложного, неуспокоенного, ищущего, ранимого, мужественного и множество подобных эпитетов), который умеет принимать самые тяжелые, драматичные, непрезентабельные формы жизни лицом к лицу. Отсюда рождается уверенность в счастливом будущем не только творчества, но и жизни талантливой молодой поэтессы, – примерно так же, когда не сомневаешься в моральной победе стойка.

Список источников

АРВ: эл. ресурс – Антология русского верлибра [Электронный ресурс]. Режим доступа: Fb.ru 223092-chno-verlibra.

Стихи 2011: эл. ресурс – Стихи [Электронный ресурс]. Режим доступа: stih.ru2011/05/10 / 2675.

Шомахова 2021 – Шомахова Д.Т. Цикл стихов «Маркопоне по-флотски». 2021 (эл. вариант).

References

Antologiya russkogo verlibra [Anthology of the russian verlibra] [Electronic resource]. Access mode: Fb.ru 223092-chno-verlibra. (In Russian)

Stihi [Poems] [Electronic resource]. Access mode: stih.ru 2011/05/10/2675. (In Russian)

SHOMANOVA D. T. *Cikl stihov «Markopone po-flotski»* [Cycle of poems «Marcopone in the Navy»]. 2021 (electronic version). (In Russian)

Информация об авторе

М.А. Хакуашева – доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской филологии.

Information about the author

M.A. Hakuasheva – Doctor of Philology, Leading researcher of the Kabardino-Circassian Philology sector.

Статья поступила в редакцию 20.10.2021; одобрена после рецензирования 23.11.2021; принята к публикации 06.12.2021.

The article was submitted 20.10.2021; approved after reviewing 23.11.2021; accepted for publication 06.12.2021.